

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

ПАРАДОКСЫ ВАЛЕНТНОСТЕЙ

Настоящая статья посвящена определению обязательной семантической валентности предиката, однако в наши задачи не входит дать окончательную формулировку этого понятия. Мы хотели бы рассмотреть некоторые теоретические проблемы, с ним связанные, и целый ряд спорных примеров, описание которых, с нашей точки зрения, требует тщательного предварительного теоретического обсуждения.

Термин «семантическая валентность» введен и используется в рамках модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» и, шире, Московской семантической школы (ср. работы И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского и др.; многие из них будут упомянуты ниже). Однако этот термин тесно связан с широким кругом других терминов и понятий, принятых в современной лингвистике, — таких, как *актант* (в смысле Теньера), *глубинный падеж* (в смысле Филлмора), *аргумент* (в смысле Джэкендоффа) и др., — поэтому затрагиваемая в связи с ним проблематика выходит за пределы одной конкретной теории.

1. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ИЛИ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА?

В модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» семантическая валентность противопоставлена синтаксической. Первая имеет отношение к семантике предиката, и соответствующие ей семантические актанты являются фрагментами его семантического представления. Что же касается синтаксиса, то для его описания вводится особый инструмент — синтаксическая валентность, так что на первый взгляд, синтаксис и семантика как два разных уровня языка оказываются здесь четко разграничены.

Рассмотрим, однако, каноническое толкование. В качестве примера возьмем глагол *показывать* (см. Богуславский 1985: 118 и след.): *X показывает Y Z-у $\approx$ 'X каузирует для Z-а возмож-*

ность видеть *Y*'. Легко видеть, что в толковании есть две части: левая (так называемый «вход» толкования) и правая (собственно толкование). При этом одно из условий правильности для толкования состоит в тождественном наборе переменных для правой и левой частей: все переменные, необходимые для семантического описания и использованные в правой части, должны участвовать и во «входе» толкования. Но если правая часть отражает одну только семантику предиката, то левая в нормальном случае несет информацию и о его синтаксисе, потому что обычно представляет собой синтаксически правильную форму, моделирующую простое предложение, ср. *X показывает Y Z-у*. Правильный синтаксис левой части, естественно, накладывает свои ограничения, и в ряде случаев может возникнуть противоречие между левой и правой частями, когда синтаксическая конструкция левой не вмещает семантических переменных правой. В простых случаях это связано с тем, что переменные одной семантической структуры нередко получают поверхностное заполнение в разных синтаксических конструкциях, или в одной и той же, но с запретом на одновременное заполнение. Ср.: [?]*вина за катастрофу перед коллективом* (Апресян 1974: 151) или [?]*царапина на ноге от гвоздя*. Ср. также *оркестр струнных инструментов, оркестр классической музыки*, но не **оркестр струнных инструментов классической музыки*. Есть и более сложные случаи.

Понятно, что единственно возможное решение такого конфликта между правой и левой частями — это полностью освободить толкование от влияния синтаксиса. Оно приводит к использованию входов вида: *показывать (X, Y, Z); только (P, Q, R)*, в которых синтаксические отношения полностью элиминированы: так, в обоих примерах выше и у глагола, и у частицы выделено по три семантических переменных. Заметим, однако, что только у глагола все они реализуются в одной синтаксической конструкции (*она показала им новый дом*) — данные «входы» этой информации никак не отражают.

Однако возникает вопрос, как далеко может заходить подобная «де-синтаксизация». Например, можно ли искать (семантические) актаны лексемы за пределами того предложения или синтаксической группы, в составе которых она употреблена? На этот вопрос в свое время было дано два принципиально разных ответа, причем оба они были предложены в рамках одной модели — «Смысл ⇔ Текст».

С одной стороны, классический пример с глаголом *промахнуться* (Мельчук 1974: 134–135; Апресян 1974: 125, 148) как буд-

то бы предполагает отрицательный ответ. Действительно, в противном случае с этим глаголом все обстояло бы просто, потому что валентность цели, необходимость которой для него специально доказывалась, при нем поверхностно не выражается. Точнее, ее выражение невозможно только в составе данной глагольной группы (**промахнулся в оленя*), тогда как в составе какой-то другой синтаксической группы этот смысл, конечно, всегда может быть выражен (*Охотник выстрелил в белого оленя, но промахнулся*).

С другой стороны, анализ, например, глагола *изловчиться* (Богуславский 1988: 14–18; ср. также Богуславский 1996: 28–32) допускает такую возможность, т. к. в нем в качестве диагностических для определения семантических актантов рассматриваются и контексты типа *изловчился и укусил*.

Однако оказывается, что решения эти отличаются только по своему конечному результату, но в основу их положен некоторый общий принцип (хотя и не провозглашенный в этом качестве, но и не скрытый в рассуждениях авторов). В обоих случаях решение принимается прежде всего в зависимости от существования семантически аналогичных групп лексем с более стандартным синтаксическим поведением (ср. в приведенных работах ссылки на *не попасть*, исп. *fallar*, франц. *manquer* для *промахнуться*, а также на *ухитриться* и под. для *изловчиться*).

Обратим внимание, что здесь опять происходит апелляция к синтаксису, только с заменой *с о б с т в е н н о й* левой части толкования предиката на, так сказать, *б о л е е с т а н д а р т н у ю*. Но всегда ли нужно, правомерно (и, главное, можно) при установлении семантических валентностей лексемы учитывать ее «семантические аналоги»? Ведь подобных семантических аналогов с разным синтаксисом в языке довольно много. Ср., например, пару *учитель — ученик*, где возможно:

Витин учитель африканистики,

но не:

*(Витин) ученик африканистики,

а только:

Витин ученик.

Другой пример — пара *выделяться — отличаться*:

Он выделялся среди / из своих сверстников умом / способностями / тем, что умел завязывать шнурки

но:

Он отличался умом / способностями ... ? среди / *из своих сверстников.

стного выражения в случае обязательной валентности должен быть нестандартным, т. е. у разных предикатов (непредсказуемо) разным.

Рассмотрим последовательно оба эти условия. Действительно, содержательно понятие актанта, вообще говоря, призвано моделировать именно нетривиальную сочетаемость. Поэтому в каких-то сложных случаях этот критерий действительно помогает.

Так, семантическая валентность содержания у слова *меры* (не выразимая при этом слове) может быть выделена, опираясь на сочетаемость этого слова с вопросительным *какой*. Ср.:

— *Какие меры вы приняли?.. — Взял я на кухне свечку...* (см. подробнее в Крейдлин, Рахилина 1984; ср. также в этой связи набор актантов лексемы *ультиматум*, постулируемый в Апресян 1974: 95, и обсуждение в Богуславский 1985: 16–18)¹.

С другой стороны, отсутствие, например, у слова *эмигрант* валентности ‘конечный пункт перемещения’ подтверждается невозможностью сочетаний типа ‘*эмигрант в Турцию* (при нормальном *турецкий эмигрант* = ‘из Турции’). Поэтому *эмигрант* (*X-овый, из X*) — это, скорее, ‘лицо, покинувшее [страну] X’, а не ‘человек, переселившийся из своего отечества в другую страну’ (толкование в МАС).

Как видим, здесь сочетаемостный критерий «руководит» составлением толкования лексемы и помогает выбрать более адекватное решение. Однако уже в случае с глаголом *промахнуться* этот критерий не дает ясного ответа.

Любопытный, до конца не ясный случай представляет и глагол *красть*, схему толкования которого с допустимой степенью условности можно представить так: ‘X <тайно> берет без разрешения Z объект Y, принадлежащий Z и находящийся в W <X знает, что это плохо>’. В данном толковании нас интересует прежде всего возможность включения в него переменной W местонахождения объекта Y. Действительно, факты сочетаемости как будто бы говорят в пользу этого:

1) ‘место кражи’ — это высокочастотно выражаемый аргумент; в частности, он может быть выражен и при (поверхностном) отсутствии Z, ср.: *украсть пальто в учительской; красть игрушки из кармана; украл в «Мост-банке» 29 рублей* и под.;

2) он легко «повышается» в ранге (см. статью Е. В. Падучевой в настоящем сборнике): *обокрасть квартиру/банк*;

¹ С нашей точки зрения, этому примеру параллелен и другой, с глаголом *изловчиться*: *Псу пришлось изрядно изловчиться, чтобы укунить попугая.*

3) имя узуального деятеля (*вор*), содержащее данный предикат в качестве встроенного (о понятии встроенного предиката см. подробнее [Красильщик, Рахилина 1992]), также «проявляет» соответствующую сочетаемость, ср.: *карманный (квартирный / дачный / железнодорожный...) вор*.

Однако есть и более запутанные случаи. Так, Е. В. Падучева [1996] рассматривает глагол *опоздать*. Этот глагол, с одной стороны, вообще невозможно протолковать без упоминания некоторого фиксированного момента времени (после которого опоздание, собственно, имеет место); с другой стороны, этот семантический актант не может быть выражен при глаголе, так как по-русски нельзя сказать **опоздал в два часа*. Другой пример того же рода (принадлежащий Т. В. Булыгиной) — предикатное имя *вдовец*, не имеющее (в отличие от симметричного ему *вдова*) объектной валентности, ср. невозможное **вдовец Марии* — при правильном *вдова Ивана, королевская вдова* и т. п. (см. также статью А. Д. Шмелева в настоящем сборнике).

И в том, и в другом примере имеется очевидное противоречие между тем, чего требуют сочетаемостные критерии, и тем, как мы хотим представлять себе набор семантических актантов слова. Таким образом, сочетаемостные критерии нельзя считать абсолютными.

3. О НЕКОТОРЫХ РЕГУЛЯРНЫХ СЛУЧАЯХ

В последних примерах мы не видим результата действия каких-то семантических правил типа «гашения валентностей». Однако в принципе такие правила действуют.

Рассмотрим, например, слово *школьник*. В его семантической структуре, вообще говоря, обязательно должно быть указание на «место» («в каком учебном заведении учится»), но поверхностно этот актант — в отличие, например, от аналогичного актанта лексемы *ученик* — не может быть выражен, ср. **школьники 57 школы, *церковноприходской школьник*. В нашей терминологии в таких случаях используется понятие *ф и к с и р о в а н н о г о* актанта (см. [Рахилина 1990: 100–101]; ср. также близкий по сути, но рассмотренный на примерах несколько другого рода термин Е. В. Падучевой «полностью охарактеризованный», использованный в [Падучева 1996]. Иными словами, здесь ограничения на поверхностное выражение актанта связаны с особенностями денотативной семантики данного слова.

Кажется, что точно такое же свойство характерно и для глагола *класть*, который обозначает каузацию перемещения объекта (как обычно, из одной точки в другую), однако исходный пункт движения в толковании фиксирован: объект всегда находится в руках каузатора (ср. допустимое *Куда положил?*, но невозможное: **Откуда положил?*). В целом похожая ситуация — с существительным *иностранец* (ср. **иностранец Дании*), в толковании которого локативная переменная сопровождается чем-то вроде негативной анафорической отсылки (того типа, который характерен для слова *другой*): *иностранец* = ‘лицо, происходящее из страны, отличной от той, из которой происходит говорящий’.

Иначе, но опять-таки более или менее регулярно, т. е. подчиняясь некоторым семантическим правилам, ведут себя имена деятелей, ср. пары *покупатель* <воздушных шаров> — *продавец* <воздушных шаров>. Первое имя пары — актуальное имя деятеля (‘тот, кто купил/сейчас покупает шары’), а второе — узуальное (‘тот, кто обычно продает шары’), поэтому объект (*воздушные шары*) в одном случае интерпретируется референтно, а во втором — нереперентно. При этом референтные объекты актуальных имен деятеля всегда выражаются поверхностно — обычным для объекта способом, т. е. родительным падежом, тогда как нереперентные объекты при узуальных именах часто не могут быть выражены вовсе, ср. *спаситель девочки* vs. **спасатель девочек*, а также **вор кошелька*, **грузчик пианино* и мн. др. В некоторых случаях «на помощь» приходит более периферийная конструкция с предлогом *по*, ср.: *комиссар по чрезвычайным ситуациям*, *специалист по летательным аппаратам*, *инженер по технике безопасности*, но и такая конструкция возможна не всегда, ср.: *инспектор по финансам*, но **контролер по театральным билетам* / **оплате проезда*.

Что касается глаголов, то, с нашей точки зрения, поведение имен типа *грузчик* или *спасатель* может быть сопоставлено с поведением, например, глагола *чинить*, при котором не может быть выражен актант, обозначающий устраняемое повреждение, ср.: *чинить машину от поломки* (при возможном *лечить больного от ангины* или *избавить общество от своего присутствия*). Точно так же, как *грузчик* грузит все, что требуется грузить, а *спасатель* спасает всех, кто в этом нуждается, и действие ‘чинить’ предполагает устранение всех имеющихся у данного артефакта повреждений, и соответствующая переменная как бы связывается квантором общности — на все случаи своего употребления в языке.

4. НЕСТАНДАРТНОСТЬ: ВЫХОД ИЛИ ЛАБИРИНТ?

Вернемся к обсуждению сочетаемостного критерия, и теперь рассмотрим второй его аспект, а именно: свойство не тривиальности обязательной семантической валентности. Действительно, параллельно семантико-синтаксической аналогии, в рамках МСТ используется и другая, казалось бы, совершенно противоположная ей идея, а именно: если предикатов, которые требуют в толковании данной семантической валентности, слишком много, то валентность (в особенности если ее статус неясен и степень ее обязательности требует обсуждения) не признается обязательной. Подоплека такого принципа в том, что актанты — товар штучный, и их должно быть как можно меньше. Поэтому всё, что представляется исследователю более или менее регулярным, принято описывать другим способом. В качестве примера рассмотрим глагол *лечь*. Он описывает «психическую» каузацию² контакта двух поверхностей: части тела и опоры. Соответствующие переменные обязательно присутствуют в толковании, т. к. без указания на эти поверхности нельзя адекватно описать, что такое *лечь*. Каждой из этих переменных соответствует и свой способ поверхностного выражения (причем внутри синтаксической группы глагола *лечь*): *лечь на кровать*, *лечь на спину*, *лечь животом на прилавок*. Однако, как считает И. А. Мельчук, по крайней мере обозначение части тела не должно признаваться обязательным актантом *лечь*³.

Как видим, здесь приходят в конфликт два требования: требование идиоматичности, т. е. наличие яркой индивидуальности у семантического актанта, и то, которое, собственно, заключено в определении актанта, т. е. невозможность обойтись без него при описании ситуации. Естественно, что первое кажется «сильнее» и поэтому удобнее. Но проблема здесь, по-видимому, даже не в том, какое решение выбрать, а в степени его произвольности и в том, что не выработано никаких определенных правил, применимых в любом, заранее не определенном случае. К этому необходимо добавить, что абсолютной регулярностью, как выясняется, не обладают никакие даже самые «прототипические» сирконстанты, так что провес-

² Т. е. такую, которую человек или животное могут осуществлять только сами над собой, подробнее см. [Рахилина 1982].

³ Мы позволим себе процитировать (как теперь принято) фрагмент из переписки с И. А. Мельчуком, относящийся к этой проблеме:

«Это — сирконстант, и его легкую идиоматизированность я ухвачу с помощью нестандартных лексических функций. Иначе придется иметь такие же актанты у *упасть* (*на спину*), *завалиться*, *рухнуть* и т. д.».

ти какую-либо границу, опираясь именно на этот признак, представляется слишком сложной задачей. Ряд примеров, подтверждающих это, приводится в нашей статье [Плунгян, Рахилина 1990]; кроме того, глубокие и интересные результаты, касающиеся избирательности сочетаний наречий с глаголами, получены М. В. Филипенко (см., например, [Филипенко 1994]; ср. также статью В. С. Храковского в настоящем сборнике). Мы позволим себе здесь еще только одну иллюстрацию. Предлог *для* в одном из своих употреблений вводит в ситуацию участника, который обозначает нечто вроде «зрительской аудитории». Правомерен вопрос, является ли такой участник обязательным, например, для глагола *петь*. Иначе говоря, является ли пение, так сказать, адресным действием (при том, что адресат может быть и опущен), либо адресат регулярным образом «добавляется» к этой ситуации, как и к другим подобным действиям, рассчитанным, вообще говоря, на зрителей: *петь / танцевать / играть на рояле для кого-то*. Предпочтительным, конечно, кажется второе, так как полной уверенности в том, что информация об адресате обязательна, у нас нет. К тому же, поведение *петь* в данном случае кажется (по крайней мере, на первый взгляд) вполне регулярным, т. е. похожим на многие другие предикаты. Но если не гипнотизировать себя сочетанием «многие другие» и более внимательно посмотреть на имеющийся материал, то окажется, что на самом деле русские глаголы «публичной деятельности» в массе своей не сочетаются с *для*. Так, нельзя сказать **Он читал стихи для целого стадиона*, **жонглировал для полного зала*, **прыгнул с вышки / поставил мировой рекорд для опустевших трибун* и т. д. В таких случаях используется сирконстант, который вводится предлогом *перед*. Но это уже другая семантическая валентность, что легко обнаружить, сопоставив по смыслу сочетания *петь для* и *петь перед*. Значит, все-таки обязательный актант?

Иногда возникает впечатление, что лингвистическая интуиция, согласно которой актантов должно быть немного и они должны быть чрезвычайно избирательны в своей сочетаемости, складывается у нас лишь потому, что наша Московская семантическая школа в гораздо большей степени ориентирована на словарное описание предиката, чем на его реальное употребление в самых разных текстах. Только поэтому «многоактантность» блестяще описанного в свое время глагола *командировать* до сих пор кажется исключением. Знаменательна в этом отношении статья Л. Л. Цинмана и В. Г. Сизова в настоящем сборнике. Речь в ней идет о программном продукте, касающемся документов отдела кадров. Авторы убедительно показали, что полное описание и глагола *уволить*, и глагола

зачислить, и других из этой области, которое бы полноценно «работало» в тексте, предполагает, вдобавок к тем, которые уже описаны для *командировать*, такие нестандартные семантические переменные, как ‘с какого числа’ или ‘по какое число’, ‘по какому приказу’ и др.

Теперь остановимся кратко на нестандартности формы выражения, которая тоже «добавляет очков» в пользу обязательности актанта. В частности, для описания ситуации ‘ловить (рыбу)’ требуется переменная со значением, которое можно было бы условно обозначить как ‘приманка’ и которое выражается абсолютно нестандартным образом, ср. *ловить НА дождевого червя*. Во всех других случаях — например, при глаголах *приманивать*, *соблазнять*, *искушать* и др. похожий смысл выражается творительным падежом. Верно ли, что в таком случае мы можем говорить об обязательности его для ‘ловить’ (даже несмотря на то, что степень обязательности его в толковании кажется здесь меньшей, чем для части тела при глаголе *лечь*, который мы рассматривали выше)?

И опять возникает вопрос о том, какова должна быть степень этой поверхностной нестандартности и где ее границы. Например, как должно выглядеть теоретически безупречное толкование глагола *писать* или *издавать*, если учесть следующие «нетипичные» для других глаголов сочетания: *писать слово в латинице / с заглавной буквы / через мягкий знак (через дефис) / с окончанием -а* (ср., например, *читать слово *в латинице / *через -а / ?с окончанием -а*); *издавать книгу в твердой обложке / в пяти экземплярах* (причем обратим внимание, что все эти сочетания могут встретиться одновременно, т. е., например, внутри одного предложения с глаголом *писать*).

5. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Проблема описания семантических валентностей решена не окончательно. Теория здесь остается живой и недогматической. Мы надеемся, что обсуждение некоторых естественных противоречий в этой области будет способствовать поиску нового материала и появлению новых идей.

Авторы признательны И. А. Мельчуку за незаинтересованное обсуждение материала, положенного в основу настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Богуславский И. М. О некоторых типах неканонических сочинительных конструкций // Вопросы кибернетики, вып. 137: Проблемы разработки формальной модели языка. М., 1988.
- Богуславский И. М. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств. // Z. Saloni (red.), Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.
- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Красильщик И. С., Рахилина Е. В. Предметные имена в системе «Лексикограф» // НТИ, сер. 2, 1992, № 9.
- Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом «какой» // Изв. АН СССР, СЛЯ, 1984, т. 43, № 5.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Сирконстанты в толковании? В кн.: Z. Saloni (red.), Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.
- Рахилина Е. В. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный) // НТИ, сер. 2, 1982, № 2.
- Рахилина Е. В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München, 1990.
- Рудницкая Е. Л. Сентенциальные наречия в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Успенский В. А. К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Филипенко М. В. Логико-семантическое представление наречий образа действия. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.